
Р. Ш. ГАНЕЛИН

**ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА В. Н. КАШИНА
В АРХИВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Во вступительной статье к сборнику документов о трагической судьбе В. Н. Кашина, талантливого исследователя в области социально-экономической истории России XVIII–XIX вв., содержащей сведения о его оборванном жизненном пути, отмечено, что после его расстрела некоторые работы и публикации материалов, в которых он участвовал, вышли в свет без указания его имени. Более чем за 50 лет, прошедших после его реабилитации, это не было исправлено.¹ Специалистам по тематике, близкой к таким работам, следует восстановить его авторство в тех случаях, когда упоминания о нем отсутствуют. В этом помогут списки его трудов, составленные им самим.²

Публикуемый ниже отчет В. Н. Кашина о работе после окончания Петроградского университета (благодарю В. А. Рачковского за сообщение документа) также может быть для этого использован.

Отчет о своей работе научн[ого] сотр[удника] В. Кашина

Будучи зачислен в Исследовательский] Институт при Государствен-ном] Петр[оградском] Унив[ерситете] по секции русской истории в прошлом 1922 г. и пробыв в нем 1922–1923 учеб[ный] год, т. е. около одного календарного года, я вел свою научную работу главным образом по тому направлению, которое она приняла в связи с разработкой вотчинного архива князей Юсуповых.

Я взял на себя подготовку трех статей или вернее, судя по размерам, целых выпусков предполагаемой серии, и в настоящее время по-

¹ Что вы делаете со мной! Как подводили под расстрел: Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступ. статья, примеч. Р. Ш. Ганелин. СПб., 2006. С. 15–16, 28–29.

² Там же. С. 54–59.

требовавшая на протяжении двух последних лет наибольшей доли моего труда и внимания первая работа по истории оброчного имения Петербургской губ[ернии] подготавливается мною к сдаче в печать. Достигая по объему приблизительно 12 печатных листов, она прослеживает хозяйственную жизнь, административную структуру оброчного имения и их изменения за период с 20-х по 60-е годы XIX в., сообщая данные об эволюции господской запашки в сторону ее постепенного уничтожения, развитии арендных статей дохода, доходах и занятиях крестьян, реорганизации административно-фискального аппарата, роли мирских сумм в обслуживании культурных нужд крепостной деревни, понятии, составе и раскладке тягла в оброчном имении, отношении к рекрутской повинности и отношении к реформе 60-х гг. Особенно большого труда и времени потребовала эта работа в связи с необходимостью просмотреть и обработать данные тяглового обложения о каждом из 350–400 тяглецов за каждый год периода в двадцать пять лет.

Вторая работа той же серии готова наполовину: по расположенному в Псковской губ[ернии] имению исследованы имеющиеся данные за период с 30-х годов XVIII в. по 10-е годы XIX в., и остается еще проделать ту же работу за время до крестьянской реформы. Несмотря на некоторую неполноту и отрывочность материала по XVIII в., отчасти вследствие утери, отчасти по скудости самой переписки за эти годы, выясняются интересные данные о бегстве крестьян в Польшу, о предпринимавшихся правительством мерах борьбы на границе, составе землевладения по уезду, образовании и росте крестьянских починков и деревень, скупке крепостными крестьянами земельных участков, переселении крестьян на княжеские фабрики и жизни имения вообще. Особый интерес приобретают сохранившиеся за различные периоды ревизские сказки и, по-видимому, подворные описи, часть которых мною уже разобрана. Если мои предположения оправдаются, то удастся дать некоторые представления об эволюции и росте полсотни деревень и развитии их материального благополучия и хозяйственного состояния.

Наконец, третья работа из той же серии, предварительные шаги к которой я начал делать ранее, но вплотную и усидчиво принялся за нее недавно, касается истории промыслового хозяйства на северном берегу Каспийского моря и его развития из стадии откупной на положение промышленного предприятия с заменой «экономического» принципа «коммерческим» расчетом. Благодаря некоторым обстоятельствам, мне удалось выяснить процесс заселения, хотя бы до некоторой степени, всего побережья от Астрахани до границ войска Уральского путем образования помещичьих «дач» крупной знати, начиная с периода Пугачевского бунта. С некоторыми необходимыми дополнениями из др[угих] архивов удастся дать несколько интересных штрихов по истории рыбных и тюленьих откупных промыслов и на фоне борьбы дворянских, купеческих и казачьих интересов обрисовать в некоторых отно-

шения побуждения, которыми руководствовалось правительство в этом вопросе в конце XVIII и особенно первой четверти XIX вв. Данные о населении как крепостном, так и вольном на протяжении почти 300 верст побережья, его составе, занятиях и хозяйственном положении, с одной стороны, и точные сведения о постановке и ведении промыслового хозяйства в двух крупных имениях — с другой дают мне возможность нарисовать полную картину промысловой жизни за 60 или 70 лет. Попутно я выясняю вопрос о нападениях туркмен, оборонительные мероприятия правительства, кое-что о невольничьем рынке в Хиве, роль русских дезертиров в морских разбойничьих рейсах и пр. Вместе с тем выясняются данные о кочевых инородцах в приморских степях, их столкновениях с землевладельцами, правительственной политике по отношению к киргизам и ее мотивах и пр. Но главную ценность работе придают, конечно, данные об организации промыслов, их доходности, способах эксплуатации природных богатств, положении рабочих, закабалении калмыков и т. д.

Откладывая окончательную обработку материалов по 2 и 3 работам и торопясь воспользоваться благоприятным временем для ознакомления с ними и окончания выписок, я уже теперь принужден примириться с тем, что если первая работа достигает 12 печатных листов, то вторая будет не менее 14, а третья около 18–20.

Ради окончания этих всецело зависящих от архивного материала статей я принужден был отложить на неопределенное время две другие работы, из которых одна, по историографии одного из связанных с историей русского крестьянства вопросов, мною на две трети своего объема уже закончена, хотя и не в окончательном виде, а другая была готова уже для печати в форме статьи объемом в 4–5 печатных листов, но по зрелом размышлении я отложил ее до переработки. Причиной этого явилось желание использовать некоторые сейчас для меня недоступные данные, так как тема работы относится к истории Франции в начале XIX в. По этой причине я и не хочу говорить о ней подробнее, равно как и о другой работе, связанной с принятыми на себя перед издательством обязательствами и тоже относящейся к истории Зап[ад-ной] Европы.

14 июля 1923 г.

В. Кашин

Помета: Признавая отчет В. Н. Кашина удовлетворительным, удостоверяю, что он вполне соответствует достигнутому автором результатам.

А. Заозерский

15/VII [19]23 г.

Ректору [Ленинградского Государственного] Университета

В. Н. Кашина

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я окончил ЛГУ в 1922 г., но, к сожалению, состоя на службе в Красной Армии, мало обращал внимания на личные дела. Документ об окончании мною был утерян. В делах сохранились: 1) выписка из протокола об оставлении при кафедре и зачислении в Научно-исследовательский Институт истории, существовавший тогда при ЛГУ; 2) справка, подписанная гр. Гераковой, заведывавшей тогда канцелярией Общ.-Пед. фак[ультета], и выданная в июне 1922 г., об окончании упомянутого факультета. Целый ряд лиц (профессоров ЛГУ и частью (ныне) др. учебных заведений) может подтвердить факт окончания мною ЛГУ. Ныне я состою научным сотрудником 1 разряда ЛИМ^а,¹ имею ряд частью напечатанных, частью печатающихся научных трудов.

Прошу не отказать в выдаче справки об окончании мною ЛГУ в 1922 г. по факультету общественных наук.

¹ Ленинградский институт марксизма-ленинизма

19/X1929г.

В. Кашин

Резолюция: Выдать просимую справку. М. Серебряков. 19.10.1929 г.

SUMMARY

Some unknown documents with commentaries are published in this article. There are the account of the scientific work of V. N. Kashin and his address to the Rector of the University about his own education. V. N. Kashin was a talented and erudite scholar in the studding of the problems of Russia of the 18th–19th centuries. He was repressive in Stalinism's epoch, in the thirties years of 20th century. Now it is the time to say about his works, which are very important for our native history.

Е. Ю. БАСАРГИНА

РЕЧЬ С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА ПАМЯТИ О. А. БАКЛУНДА

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) хорошо известен как историк науки и мастер биографического жанра.¹ Его перу принадлежит большое число биографических очерков, рецензий на труды отечественных и зарубежных ученых, отзывов о трудах и заслугах отдельных ученых.² Написанные им некрологи дают глубокую характеристику поминаемого, раскрывают его духовный облик, выясняют его заслуги перед наукой, а нередко и те обстоятельства, которые помешали раскрыться в полной мере силе ученого.

Значительная часть его историко-научного наследия посвящена востоковедению, его прошлому и современному состоянию. Несколько печатных и устных выступлений Ольденбург посвятил памяти своего учителя И. П. Минаева (1840–1890), каждый раз добавляя новые черты в свою характеристику.³ Памятником его ученой благодарности стал перевод на французский язык книги Минаева о буддизме.⁴ обстоятельную и чуткую характеристику Ольденбург дал иранисту В. А. Жуковскому.⁵ Неоднократно Ольденбург возвращался к фигуре китаиста В. П. Васильева (1818–1900) и к столетию ученого написал о нем большой очерк. Ольденбург назвал жизнь Васильева «драмой

¹ Крачковский И. Ю. С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. 1935. Т. 4. С. 13–22 (переизд.: Избр. соч. М.; Л., 1958. Т. 5. С. 361–371); Лунин Б. В. Историк востоковедения (Из научного наследия академика С. Ф. Ольденбурга) // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 58–83; Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006. С. 79–80.

² Скачков П. Е., Чижикова К. Л. Библиография трудов С. Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 122–153.

³ Ольденбург С. Ф. 1) Памяти И. П. Минаева // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. LIII–LXI; 2) Памяти Ивана Павловича Минаева // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1897. Т. 10 (1896). С. 67–77; *Oldenbourg S. A là memoire de I. P. Minayeff* // *Annales du Musée Guimet*. 1894. Т. 4. P. I–XIII.

⁴ *Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme*. Paris, 1894.

⁵ Ольденбург С. Ф. Валентин Алексеевич Жуковский. 1858–1918. Попытка характеристики деятельности ученого // Известия РАН. 6-я сер. 1918. Т. 12. № 18. С. 2039–2068.

ученого»,⁶ потому что в течение жизни тот опубликовал лишь незначительную часть своих работ, лишь то, что он сам считал введением к своим главным, специальным трудам по истории буддизма, он не создал крепкой научной школы, потому что его крайний скептицизм смущал и отталкивал от него начинающих ученых.

Те же мысли о трудной судьбе отечественной науки Ольденбург высказал через два года в некрологе А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), который также оставил после себя ряд незавершенных работ. Ольденбург с горечью заметил, что «нигде, кажется, кладбище незаконченных научных трудов не достигало таких страшных размеров, как именно у нас в России. Причины этого печального явления, увы, нам вполне ясны: русский ученый работает обыкновенно с громадной увлеченностью, он вкладывает всю душу, всего себя в свою работу, планы его громадные, он верит в свои силы, в свою способность совершить чудо — одному сделать работу троих; вместе с тем он, обыкновенно, индивидуален, боится организации и сотрудничества, ему всегда кажется, что кто-то посягнет на его индивидуальные подходы и построения».⁷

После своего избрания в 1904 г. непременным секретарем Академии наук Ольденбург становится ее летописцем. По роду своих обязанностей непременного секретаря, которые, к слову сказать, заставили его самого почти полностью отказаться от научной работы, Ольденбург написал массу отзывов о работах и заслугах коллег, вводные статьи к сборникам научных трудов, составлял ежегодные отчеты о деятельности физико-математического и историко-филологического отделений Академии наук, которые по традиции открывали поминки ушедших за год коллег. Хотя необходимость составлять биографические очерки была вызвана официальным положением Ольденбурга, она отвечала его взглядам на историю науки, которая была для него «не отвлеченностью, а жизнью, в которой действовали живые фигуры».⁸ Например, в обращении от редакции к читателям книги об А. А. Шахматове Ольденбург писал: «Необходимо, чтобы с жизнью Шахматова познакомилась молодежь, новое поколение: у человека Шахматова можно многому научиться так же, как многому научились у ученого Шахматова».⁹

Сам Ольденбург умел даже в официальных документах дать представление о коллеге по науке и как об исследователе, и как о человеке. Например, его краткое поминальное слово о геологе Ф. Б. Шмидте, про-

⁶ *Ольденбург С. Ф.* 1) Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма // ЖМНП. 1900. Ч. 330. № 7. Отд. 4. С. 65–70; 2) Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах о буддизме // Известия РАН. 6-я сер. 1918. Т. 12. № 7. С. 538–539.

⁷ *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 167–168.

⁸ *Крачковский И. Ю. С. Ф.* Ольденбург как историк востоковедения // Избр. соч. М.: Л., 1958. Т. 5. С. 362.

⁹ Алексей Александрович Шахматов. 1864–1920. Л., 1930. С. 1 (Очерки по истории знаний. Вып. 8).

изнесенное 29 декабря 1908 г., красноречивее любых многословных характеристик. Вот оно:

«В лице Фридриха Богдановича Шмидта, скончавшегося 8 ноября, Академия потеряла своего старейшего члена. Еще незадолго до кончины, когда никто и не думал о возможности рокового исхода болезни, Фридрих Богданович сказал одному из своих близких друзей: „Я хочу жить, жизнь так прекрасна“. Слова эти знаменательны для ученого, который всю жизнь провел за работой, за исследованием природы. С малых лет он бродил по лесам и болотам своей родины в поисках за редкими растениями; впоследствии его увлекло изучение строения земли и ее прошлого. Его труды по балтийскому силуру пользуются справедливо всемирной известностью. Всю свою жизнь он работал, и даже в больнице за несколько дней до смерти он рассматривал присланные ему коллекции. Удивительная, детская чистота души, которую он сохранил до конца дней, привлекала к нему все сердца: у Фридриха Богдановича никогда не было врагов. Геологический музей полон собранных им материалов, длинный ряд ценных мемуаров в изданиях Академии свидетельствует о его неустанной работе. Память о человеке и ученом надолго сохранится светлой и ясною среди тех, кто его знал».¹⁰

После одного из таких официальных выступлений Ольденбурга сотрудница Пушкинского Дома Е. П. Казанович записала в своем дневнике: «Он создал из своих отчетов особый род почти художественной литературы».¹¹

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился отклик Ольденбурга на смерть директора Пулковской обсерватории академика Оскара Андреевича Баклунда (Йоганн Оскар, Johann Oskar Baklund, 1846–1916), который, судя по списку работ Ольденбурга, до настоящего времени не опубликован.

О. А. Баклунд родился и вырос в Швеции, по окончании в 1872 г. университета в Упсале стал ассистентом Стокгольмской астрономической обсерватории. В 1876 г. перешел в Дерпт профессором астрономии и математики, а в 1879 г. поступил в Пулковскую обсерваторию адъюнкт-астрономом.

Математик по призванию, Баклунд работал преимущественно по теоретической астрономии. Почти всю жизнь он посвятил исследованию кометы Энке, открытой в 1818 г. берлинским астрономом И. Ф. Энке, который обнаружил в ее движении неправильности, не объяснимые законом всемирного тяготения. По словам коллеги Баклунда Ф. А. Бредихина, «17 лет настойчивого классического труда было отдано им (Баклундом. — Е. Б.) исследованию упорно сопротивлявшихся анализу возмущений в движении знаменитой кометы Энке–Баклунда. Труд этот увенчался полным успехом и приобрел автору заслуженный авторитет».¹²

¹⁰ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1908 год, составленный непреходящим секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1908 года. СПб., 1908. С. 8.

¹¹ Цит. по: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 80.

¹² Протоколы заседаний Физико-математического отделения. Заседание 14 декабря 1894. § 464.

За заслуги в исследовании кометы Энке Академия наук приняла решение именовать ее в своих изданиях кометой Энке–Баклунда.

В 1880 г. академик О. В. Струве вместе с академиками П. Л. Чебышевым и А. Н. Савичем предложил избрать Баклунда на вакансию адъюнкта, однако момент для представления оказался очень неудачным. Выдвижение молодого шведского ученого, не говорившего по-русски, совпало с наделавшим много шума неизбранием в Академию Менделеева и произвело на некоторых ее членов впечатление «неудобопереносимого оскорбления достоинства русской науки».¹³ Хотя Баклунд был избран Физико-математическим отделением, он был забаллотирован Общим собранием. Зато в 1883 г. по предложению Струве Баклунд был избран сразу в ординарные академические.

Прошли годы, и в 1895 г. Баклунд стал директором Пулковской обсерватории. Баклунд проявил себя как широко мыслящий ученый и талантливый администратор и на протяжении 21 года очень успешно управлял обсерваторией. При Баклунде Пулковская обсерватория продолжала разрабатывать все отрасли астрономии и принимала участие в крупных международных проектах.

В короткие сроки были обработаны наблюдения для каталогов абсолютных прямых восхождений и склонений звезд для эпох 1885 и 1905 гг. На очереди стоял каталог для эпохи 1930 г., но Баклунд организовал наблюдения для составления промежуточных каталогов 1900 и 1915 гг. Второй промежуточный каталог (1915)¹⁴ был создан в результате международного соглашения, принятого в 1909 г. на конгрессе по Карте неба в Париже. По предложению Баклунда пулковский список был принят в качестве международного списка фундаментальных звезд фотографической карты неба и впоследствии получил название списка Баклунда–Хофа (астроном С. Хоф был директором Капской обсерватории на мысе Доброй Надежды и дополнил пулковский список звездами южного неба).

В Пулковской обсерватории развернулись астрофизические исследования прежде всего по фотографированию и спектральным наблюдениям Солнца, и в 1896 г. Баклунд отправился на Новую землю наблюдать солнечное затмение. В 1904 г. в Сент-Луисе (США) представителями ученых учреждений разных стран был образован Международный союз по исследованиям Солнца, и Баклунд представлял в нем Россию. По его предложению в том же году было создано Русское отделение Международного союза по исследованиям Солнца, председателем которого был избран астрофизик, академик А. А. Белопольский.

¹³ *Бутлеров А. М.* Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? // Соч. М., 1958. Т. 3. С. 128–129. Подробнее см.: *Дмитриев И. С.* Скучная история // Человек эпохи перемен: Очерки о Д. И. Менделееве и его времени. СПб., 2004. С. 397–458.

¹⁴ Каталог содержал слабые звезды от 5-й до 7-й величины, равномерно расположенные по северному небу, и пулковские фундаментальные звезды.

Пулковской обсерватории принадлежала большая роль в подготовке геодезистов и топографов в России. Последняя большая геодезическая работа, выполненная сотрудниками Пулковской обсерватории, состояла в измерении совместно со Шведской академией наук самой северной триангуляции на Шпицбергене в 1899–1902 гг. Во время этой экспедиции Баклунд руководил всеми астрономо-геодезическими работами и обработкой полученных результатов.

Пулковская обсерватория участвовала в международных работах по преобразованию службы времени. В 1912 г. на конференции в Париже Баклунд был избран председателем Международного бюро времени, а в 1914 г. в Пулкове начались приемы специальных «ритмических» сигналов времени, передаваемых по радио с Эйфелевой башни. Начало Первой мировой войны прервало развитие этих работ, и в нашей стране регулярные радиопередачи точного времени впервые были организованы в конце 1920 г.

При Баклунде Пулковская обсерватория обогатилась новыми отделениями на юге России. В 1898 г. было основано отделение в Одессе, которое располагалось на территории астрономической обсерватории Новороссийского университета. В 1909 г. Одесское отделение было перенесено в Николаев, где были похожие климатические условия. В 1908 г. Н. С. Мальцев принес в дар Пулковской обсерватории свою астрофизическую обсерваторию на Крымском побережье Черного моря в Симеизе. В начале 1912 г. Симеизская обсерватория включилась в международную программу наблюдений малых планет и комет.

Окончательное оформление новых отделений Пулковской обсерватории в Николаеве и Симеизе произошло в июне 1912 г., когда вышел «Закон об упразднении одесского отделения Николаевской главной астрономической обсерватории и об учреждении двух новых отделений последней в городе Николаеве и в местечке Симеизе». Еще раньше, в 1909 г., Баклунд выхлопотал новый штат и для Пулковской обсерватория, который увеличил научный персонал на одну должность старшего астронома, а весь личный состав — до 17 человек. Значительно увеличился и ежегодный бюджет обсерватории (до 86 900 руб.), который не менялся с 1887 г.

В августе 1914 г. предполагалось отпраздновать 75-летний юбилей обсерватории. К этой дате было приурочено проведение в Петербурге и Пулкове международного съезда Астрономического общества, однако Первая мировая война помешала осуществить эти планы.

Во время Первой мировой войны на Академию наук обрушился шквал обвинений в ее якобы немецкой ориентации; ей ставили в упрек обилие немецких имен в списках почетных членов и членов-корреспондентов (свыше 25 процентов), обвиняли «василеостровский Ватикан» в «лакейском прислужничестве перед немцами», в атрофии патриотических чувств и гражданственности.¹⁵ Факты повседневной на-

¹⁵ Незнамов. Наука и гражданственность // Новое время. 1915. 19 янв.

учной практики в свете военных событий преподносились как акты пособничества враждебной Германии. Даже вспомнили о том, что перед началом войны директор Пулковской обсерватории академик шведского происхождения Оскар Баклунд передал рукописи Кеплера для временного пользования астрономам в Берлине. Целиком его стараниям журналисты приписывали передачу немецким геодезистам в 1910 г. военного транспортного судна «Прут» для производства геодезических исследований и съемок на нашем Черноморском побережье. Гибель этого корабля была одним из первых событий Первой мировой войны.¹⁶

Баклунд очень тяжело переживал эти несправедливые обвинения. Сотрудница Пулковской обсерватории М. Жилова вспоминала об этом тяжелом для него периоде: «Все время он старался поддерживать равновесие отношений между различными направлениями жизни и нарушение равновесия его более всего волновало. Он всегда старался сгладить обостряющиеся отношения людей, прибегая для этого даже к крутым мерам, но всегда был удивительно справедлив. „Не соединимое — не соединишь“, — вот что более всего его беспокоило. Будучи мировой научной величиной — 1-ым авторитетом по небесной механике в настоящее время, он, конечно, жил ученой жизнью всего мира. Нарушение мирового равновесия, вызвавшее настоящую ужасную войну, не могло не отразиться сильно на его натуре. Да кроме того и обязанности директора, хотя он и любил их, в это тяжелое время, конечно, волновали его. Часто люди, не зная условий и личностей, обвиняют других, это всегда неприятно, но если это происходит в такое беспокойное время, как теперь, — это становится мучительным, но еще большее горе охватывает человека, если он видит, что честные, хорошие люди поддаются влиянию темных интриг. Так все газетные обвинения Пулковской обсерватории в ее немецком направлении для него были невыносимы. Он высоко ставил русских людей, именно им он открывал свои самые заветные научные мечтания».¹⁷ Эти слова были сказаны во время погребения О. А. Баклунда на Пулковском кладбище 21 августа 1916 г.

На похоронах Баклунда прощальное слово произнес и неперменный секретарь Академии Ольденбург. Речь Ольденбурга отложила среди документов, относящихся к кончине О. А. Баклунда: ПФА РАН, ф. 707, оп. 2, д. 32, л. 34–36: 21 августа 1916 г. С. Ф. Ольденбург при погребении академика О. А. Баклунда (машинопись):

(л. 34) «Когда смерть встает перед нами, чтобы разлучить с теми, кого мы любим, с кем жили и работали, мы невольно оглядываемся на прошедшую жизнь, она проходит перед нашими глазами вся в несколько мгновений, мы переживаем вновь наши встречи с тем, кого лишились, слышим его голос, видим перед собою его чувства, мысли и дела.

¹⁶ Какому отечеству служат немцы — члены Российской Императорской Академии наук?! // Там же. 1915. 2 марта. № 13999.

¹⁷ ПФА РАН, ф. 707, оп. 2, д. 32, л. 38 об.

В этой способности помнить ярко и сильно — наше оружие в борьбе с ужасом смерти, в этой памяти о том, кто ушел от нас, лежит чувство, что жизнь и смерть одно, что любовью мы сковали раз навсегда то единение между живыми и мертвыми, которое не разорвет никакая разлука. Тот, кого мы провожаем сегодня в последний раз, был так полон жизни и любви, что, прощаясь с ним, мы меньше всего думаем сегодня о смерти. Кругом нас те, кого он любил, кругом нас то, что он любил. В Пулкове он жил, в Пулкове и остается. Здесь он жил тем, что для него было дороже всего, — наукою. Для человека сильного и яркого, каким был он, наука должна быть особенно дорога: неуклонное искание истины, непрестанная борьба за расширение пределов нашего познания — вот чем является жизнь ученого, вот что было основой и его жизни. И где же лучше, чем здесь, в обители науки, мог он работать? Оттого так (л. 35) и любил он Пулково, так стремился к нему, где бы он ни был. Когда его трудами создались новые обсерватории в Симеизе и Николаеве, он перенес в них пулковский дух — жизни для науки. Специалисты оценили то, что он сделал для нее, они дадут полную и справедливую характеристику научной деятельности Оскара Андреевича, но мне бы хотелось сегодня напомнить Вам об одном эпизоде его жизни, который ярко рисует его высокое понимание значения науки и его обязанностей как академика и директора Пулковской обсерватории. Это было несколько лет назад — проходили в междуведомственном совещании новые штаты Пулковской обсерватории. Представитель финансового ведомства указывал на крупные новые ассигнования и настаивал на сокращении пулковских штатов. Оскар Андреевич внимательно слушал и затем попросил слова: „Я преклоняюсь перед заявлением представителя правительства, который указывает, что Государственное казначейство не может нести расходов на обсерваторию, испрашиваемых нами и, конечно, не нам, людям науки, стоящим далеко от вопросов государственных, настаивать на нашем ходатайстве. Но я не исполнил бы своего долга как ученый и как директор обсерватории, если бы не доложил совещанию о последствиях имеющего быть принятым решения: с основания своего Пулковская обсерватория была первоклассной обсерваторией и вела соответствующие научные работы, для возможности продолжения этих работ мы и просили о новых штатах. Теперь мы знаем, что Государственное казначейство не может дать средств для содержания первоклассной астрономической обсерватории в России: мы откажемся от части (л. 36) работ, и она станет второклассной обсерваторией с уменьшенными задачами. Верьте, что, что бы мы ни чувствовали, мы эти более скромные работы будем вести с пулковской добросовестностью, как мы вели и большие работы“. Излишне говорить, что после этих слов Оскара Андреевича новые штаты прошли единогласно; он не ошибся — Россия может и должна иметь первоклассную обсерваторию. В этой речи Оскара Андреевича весь человек — верный науке и долгу.

И вот, когда я оглядываюсь кругом и вижу Пулково и сотрудников ушедшего, я говорю: он жив, и то, что он ушел, есть только новая страница его жизни, страница, которая верно скоро откроется и для многих из нас, и дай Бог, чтобы каждый мог это сделать с тем же спокойствием и с тою же чистою совестью, как это сделал наш товарищ».¹⁸

¹⁸ Ср. слова Ольденбурга о Баклунде, произнесенные через полгода на публичном заседании Академии наук: «Оскар Андреевич Баклунд скончался внезапно 16 августа. Когда дружная семья хоронила его на прекрасном маленьком кладбище Пулков, согласно его желанию, чтобы он мог остаться там, где столько лет своей жизни он отдал любимой обсерватории, все чувствовали, что Пулковская обсерватория и наука потеряли — первая исключительного по энергии и организаторскому таланту директора, вторая выдающегося работника. Академия потеряла в нем одного из деятельнейших ее членов, а мы верного и преданного товарища»: Отчет о деятельности Императорской Академии наук по отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 год, составленный непрерывным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1916 года. Пг., 1916. С. 7.

SUMMARY

The author gives a brief overview of S. Oldenburg heritage in the history of science. Being a permanent secretary of the Academy of sciences Oldenburg *ex officio* became its annalist. He prepared annual reviews of the activities of the Academy of sciences, that usually began with brief essays about the colleagues deceased during the past year; he wrote obituaries of the scholars of oriental studies, the most close area of knowledge to him. Oldenburg was an expert at biographical genre and even his brief sketches are very impressive and give deep characteristics of the deceased.

The author of the article publishes a new piece of Oldenburg' heritage. That is a funeral oration devoted to the director of the Astronomical observatory in Pulkovo academician Oskar Baklund (1846–1916). The orations text is kept in the Archives of RAC in St.-Petersburg and dates back to the 21-st of August 1916.